

Cezar

«Поэт и художник начинают там, откуда философы смущённо поворачивают назад», — писал Федерико Гарсиа Лорка. Вопрос — куда? Один из важнейших, сердечных мифов европейской культуры — миф об Абсолютном Мастерстве. Едва ли оно доступно несовершенному человеку — но, однако, только в стремлении к абсолютному совершенству и состоит высшее и последнее оправдание усилий человека искусства. Не его ли имел в виду Никколо Паганини, — Абсолютный скрипач всех времён и народов, — начертав на титульном листе своих Каприсов «Посвящается Артистам»?

Марина Акимова,
музыкант, преподаватель,
Москва,
shkripka.livejournal.com

Филипп Хиршхорн. Невидимое бремя совершенства

Марина Акимова пишет о человеке, прикоснувшемся к этому высшему, запредельному мастерству. Хиршхорн был «там», и она по аудио и кинодокументам восстанавливает, что это значит: оказаться героем мифа Абсолютного Мастерства? Ты был «там», ты воплотил, пусть на единственный вечер, собой этот культурный миф, — каково тебе после этого, человек? Об этом автор статьи не может знать ничего определённого. Бездонная печаль — прощаться с тем, что уже было познано, поворачивать назад? И кем Мастер остаётся после того, как высшая точка пройдена?

...Чёрно-белая съёмка, некоторая схематичность движений, характерная для скорости в двадцать четыре кадра в секунду. Всё то, отчего в 2011 году чувствуешь, что перед тобой — история. Идёт концерт для скрипки с оркестром. Ракурсы необычный — не в лоб, а сверху и сильно справа. От оркестра видны первые несколько пультов (лысины, очки, носы в партиях). А на скрипке играет, время от времени досадно заслоняемый дирижёром, тонкий, эффектно фотогеничный молодой человек. Играет концерт Паганини, и так играет, что дирижёра с его широкой спиной хочется рукой отодвинуть с экрана: не мешай. Это похоже на фейерверк. От него невозможно оторвать глаз. Да, да, глаз тоже, не только уши — это одно из самых гипнотизирующих зрелищ, какие автор этих строк видел в своей жизни. При том, что ничего особенного на экране не происходит: человек водит смычком по струнам. Позже один писатель напишет об этом скрипаче так: «Хиршхорн во время игры представлял собой НЛО — вокруг него собиралось поле».

Вот дело идёт к концу. Ещё прежде последнего аккорда, в нарушение всякого приличия, слышен коллективный стон наэлектризованной публики, который, когда дирижёр снимает, переходит в общее беснование. Разражаются десятки всплесков, от них даже поле кадра белеет на пару секунд. Скрипач мигает, ослеплённый, отступает на шаг назад, кладет руку на пульт, будто ищет опоры, и вместо поклона делает непередаваемое движение головой, как стеснительный подросток, который знает, что на него все смотрят. Видно, что сам он глубоко потрясён.

Время — 1967 год. Место — Брюссель, конкурс имени Королевы Елизаветы. Главное профессиональное состязание современности, победа на котором в те годы, ещё не так переполненные лауреатами, как сейчас — это почти звание скрипичного Мистера Мира. Он получил эту победу, Филипп Хиршхорн. Студент Ленинградской консерватории. В двадцать один год.

Конкурс по давней традиции состоит из трёх туров, в которых надо играть музыку практически всех стилей, от Баха до Шнитке, но именно концертом Паганини Хиршхорн «взял» Дворец изящных искусств на улице Равенштайн, недалеко от Королевской площади в Брюсселе. И — осмелился сказать это — обессмертил своё имя (хочется надеяться, что не только в скрипичных кругах).

Что такое талант музыканта? Определить это трудно, проще описать.

Это когда ты сидишь читаешь книжку, кто-то начинает играть, и ты поднимаешь голову, как если бы тебя позвали по имени. Это то, что действует на слушателя помимо мозга. В случае Хиршхорна этот эффект достигает какой-то сверхъестественной силы. Когда он играет, его невозможно не слушать. Концерт Паганини производит такое впечатление, что просто прирастаешь к земле. В тот момент, когда ЭТО происходит перед тобой, кажется, что ты до сих пор никогда ещё не слышал, как по-настоящему надо играть на скрипке, и что всех остальных скрипачей (а ощущение именно такое: он — и все остальные) просто не существует. А между тем сам Хиршхорн двадцать лет спустя, по слухам, избегал говорить с учениками об этом исполнении, отмахиваясь: а, там слишком много не тех нот.

Самое интересное, что это не кокетство, он прав. Там действительно замечное количество фальшивых нот. Но слышать их начинаешь с пятнадцатого раза, когда уже попривыкнешь, успокоишься и обретёшь некоторую трезвость, и даже тогда эти фальшивые ноты удивительным образом не слишком тревожат слух. Даже наоборот, приятно, что вот живой человек перед тобой, а не виртуозная машина без нервов. За обнаружение некоторых недостатков в этом непревзойдённом исполнении нужно сказать спасибо самому факту существования звукозаписи. Если бы её не было, эта игра так и осталась бы в памяти очевидцев как нечто ослепительное, а потом эта память передалась бы потомкам легендой о баснословном, непредставимом совершенстве.

Но что же было дальше? Кадры триумфальных последних аккордов Паганини — это на весь мир, это то, что в тот вечер наверняка показали в новостях. Но есть и другие... Кто-то — то ли бельгийское телевидение, то ли кто-то ещё, безымянный — снимал ещё и за кулисами, в первые секунды после того, как Хиршхорн вышел со сцены. Потом из этого сделали документальный фильм «Победители» (The Winners).

Подсматривать и фиксировать такие глубоко личные моменты, когда все эмоции обнажены — вообще-то явная бестактность, но что уж теперь... конкурсанты, как правило, беззащитны перед устроителями. Вот Хиршхорн со скрипкой идёт с эстрады. По традиции «серьёзных» концертных залов, дверь перед ним распахивается как бы сама собой (и в неё видно, как на сцене ещё продолжает кланяться дирижёр).

Филипп Хиршхорн. Невидимое бремя совершенства

Авторы документального фильма проявили поразительное чутьё, оставив видеоряд и погасив звук до нуля. Вначале ещё слышны далёкие — как с другого берега реки — аплодисменты, но они затихают, и остаётся только странный «немой» гул и редкие невнятные шорохи, какое-то бульканье, точно под водой.

Хиршхорн заслоняется ладонью от вспышек, куда-то идёт, садится, встаёт, опять садится, не находит себе места. На его лице, лице человека, только что пережившего поистине звёздные минуты, выражение странной растерянности и какой-то сильной внутренней боли. Он испуганно отодвигает протянутый микрофон, и корреспондент продолжает стоять над ним с вежливо-глупой улыбкой. Хиршхорн, двадцатилетний мальчик, прячет лицо в ладонях. Если сделать стоп-кадр и показать его кому-нибудь, кто не знает, что происходит, то тому, вероятно, покажется, что перед ним не победитель, а проигравший.

Тридцать лет спустя, за месяц до смерти, Хиршхорн прокомментировал не эту шокирующую сцену, а нечто похожее: фотографию, на которой он сам в радостной толпе, в первые минуты, должно быть, после объявления победителей. Рядом Гидон Кремер, получивший третье место — коломенская верста в очках на пол-лица — тоже принимает поздравления, с кем-то разговаривает. Молодой Хиршхорн (критики впоследствии найдут в его облике нечто байроническое) смотрит в сторону, погружённый в себя. Он глубоко одинок. Может быть, на какую-то секунду, но тем не менее. Никакого счастья. «Трагедия, — скажет Хиршхорн взрослый. — Он знает, что ничего хорошего впереди нет. Знает. Этот ребёнок».

Он умер вскоре после съёмок фильма. В 1996 году, каких-то пятнадцать лет назад. На свете живёт множество людей, знавших его лично. Поколение, рождённое в конце сороковых, ещё вполне «в соку». Тот же самый Гидон Кремер, Миша Майский, Владимир Спиваков, Виктор Третьяков — всё это сверстники Хиршхорна. Несмотря на это, жизнь его окружена странной таинственностью и каким-то туманом, о нём почти никто ничего точно не знает. Есть только пункты послужного списка: жил там-то (в Брюсселе), работал там-то (преподавал в консерватории Утрехта), никакой биографии до сих пор нет, кроме немногословной странички в Википедии, зато, как у всякой яркой личности, вокруг него по сей день ходит множество слухов.

Он уехал на Запад из своей родной Риги в 1971 году — это то, что известно достоверно. А дальше начинается. Говорят, что Караян очень хотел записать с ним концерт Чайковского и вообще всячески приглашал, а он отказался. И говорят даже, что потому, что не совпал с Караяном во взглядах на музыку. Говорят, что, когда он приехал в Израиль, Зубин Мета предложил ему, уже семь лет как лауреату Елизаветы, пройти конкурс на место концертмейстера оркестра. Говорят также, что Исаак Стерн поклялся, что Хиршхорн никогда не будет играть в Нью-Йорке (а Стерн, «патентованная» мировая знаменитость, пользовался вполне достаточным влиянием, чтобы это устроить), потому что тот не спешил принять предложенное покровительство.

«Он не признавал компромиссов», — говорит о Хиршхорне в «Победителях»

«Допустим, что кто-то, совершенно изумительной красоты, заметно подурнел. Ничего в нём не переменялось: черты, повадка — всё прежнее, но как раз они, до сих пор составлявшие главное очарование этого человека, теперь режут глаз. В игре Хиршхорна, когда я его услышал снова — уже в Дзінтари, всё, что раньше приводило в восхищение, теперь мешало. Именно те же самые качества»... И дело вовсе не в звёздной болезни (синоним потери чувства реальности). Есть знаменитая история, как Хиршхорн остановился и ушёл со сцены, когда на концерте в Большом зале Ленинградской филармонии у него вдруг заел пассаж терциями в первом Каприсе Паганини. Неслыханный поступок — у музыкантов не принято останавливаться, что бы ни случилось: Большая часть публики всё равно ничего не заметит, а оставшаяся, та, что заметила, простит.

Он был ближе к совершенству, чем кто-либо из нас, он уже мог заглянуть ему в глаза. Вероятно, эту близость трудно выдержать.

композитор Кисин. «Органическая неспособность блюсти политес», — это уже Леонид Гиршович, писатель, соученик Хиршхорна по ленинградской специальной музыкальной школе, тот самый, что написал про НЛО. Ему же принадлежит другая интересная мысль: «...Как я уже говорил, Хиршхорну следовало родиться странствующим рыцарем скрипки: герцогини отнеслись бы к нему иначе, чем министерские крысы». И не только министерские крысы, добавим теперь — авторитеты мировой музыкальной индустрии тоже могли бы отнестись по-другому.

Всё это вполне вписывалось бы в рамки банального «художник против системы», если бы не одно «но». По утверждению Гиршовича, слышавшего его на концертах, вскоре после Елизаветы Хиршхорн стал «разительно хуже играть».

Но Хиршхорн не стал делать вид, что ничего не произошло.

Стал ли он действительно намного хуже играть? Мы теперешние можем судить только по записям. Они есть — не много, но есть. Есть и диски, но их мало кто видел, и записи одного из лучших скрипачей всех времён существуют как бы «под водой»: передаются из рук в руки, как апокрифы, или скачиваются на торрентах. Большая часть из них — ошеломительны, несмотря на то, что они часто пиратские, «с коленки» (соответствующее этому шипение и потрескивание неожиданно ставит их в ряд с легендарными записями «стариков», сделанными на заре звукозаписывающей эры). Иногда на них заметно, что действительно что-то происходит, но это не подходит под описание Гиршовича. Внезапные необъяснимые

Филипп Хиршхорн. Невидимое время совершенства

промахи, которые случаются у Хиршхорна, производят ужасное впечатление мучительных и насильственных гримас прекрасного лица. Как если бы руки теряли управляемость на секунду. «Думаю, у него были проблемы с нервами, — объясняет Миша Майский. — Он был ближе к совершенству, чем кто-либо из нас, он уже мог заглянуть ему в глаза. Вероятно, эту близость трудно выдержать. Когда твоя машина может делать 400 км в час, при 350 уже становится довольно страшно...»

В коротеньких биографических справках пишется, что Хиршхорн рано оставил концертную карьеру из-за проблем со здоровьем. Были ли это действительно нервы? Или первые признаки погубившего его рака мозга? Вопросы, вопросы... Но стоит включить воспроизведение, как становится ясно, что он ничуть не потерял своей магической власти над музыкой и над слушателем — или если это называется «стал играть хуже», то тогда плохо понятно, что же такое было «играть лучше». В концерте Сибелиуса (live, 1974) ни один пассаж из терций не заел (и ничто не дрогнуло в выражении музыкального лица, как если бы пассаж был написан не двойными нотами, а одинарными: кто хочет представить, каково это, попробуйте быстро и долго чередовать пары пальцев — 2-4, 3-5, и не потерять координации при этом). Мало того, эта запись являет собой пример необъяснимого музыкального колдовства высшей пробы. Хиршхорн там в финале гарцует на коне, подбоченясь, шутя, пускает огненные змейки (в его игре всегда слышен эмоциональный смысл, как у человеческого жеста — в тех местах, где другие всего лишь выигрывают шестнадцатые), то вдруг принимает боевую стойку, то взлетает на небо по гигантским воздушным ступеням, в то время как оркестр прилежно занят своим делом — мяучит, бабачет и хнычет (финал концерта Сибелиуса — откровенно языческий). Всё это блестяще, но как-то отдельно друг от друга, точно перечисление... И вдруг, в какой-то момент, как будто повернули волшебное стекло, всё сливается воедино, мы неожиданно обнаруживаем, что перед нами круг, а в середине он — заводила, то ли главный шаман племени, то ли мальчишко-озорник, тихонечко подсвистывает, руки в карманы, точно он тут ни при чём, пока заведённый им хоровод продолжает двигаться уже будто сам по себе, силой гипноза. Ещё немного, и вовлечёт и нас из-за монитора в своё зазеркалье.

Не ради этого ли мы слушаем музыку? Не это ли действует землеотрывающе? Человек «величайшего музыкального дарования, способного слить воедино души инструмента, исполнителя и слушателей», — так сказал о нём Спиваков. Спиваков, который, как пишет Гиршович, в узком кругу честно отдавал Хиршхорну должное: «Мне до него как до луны».

Можно подсчитать, что мы имеем теперь, через пятнадцать лет после его смерти.

Тридцать шесть роликов на YouTube. Это очень хорошо, это показывает, что что-то всё-таки трогается с места: какой-нибудь год назад их было хорошо, если десять. Англоязычные комменты выражают в основном обморочные чувства их авторов.

Записи, разбросанные там и сям по сети, на файлообменниках и торрентах.

Несколько десятков учеников, благоговеющих перед его памятью, во главе с красавицей и умницей Жанин Янсен. Она не только играет на скрипке, она записала несколько интервью, где много говорит о нём — но по-голландски.

Два-три сообщества в социальных сетях, малопосещаемых, впрочем.

По слухам, есть некое Хиршхорновское общество в Бельгии, но его существование не доказано.

Голландский фильм «Победители», о котором уже шла речь. Отзыв об этом фильме критика из «Нью-Йорк Таймс»: «Архивные кадры дают возможность увидеть отчаянно красивого Хиршхорна в его юношеском великолепии... когда он добавил байронического огня облику классического виртуоза».

Связный текст Гиршовича, представляющий из себя едва ли не единственный источник информации о его личности. За что Гиршовичу можно только сказать спасибо.

Всё это исходит из-за границы. Здесь, в России, ситуацию можно определить коротко: забвение. Из Петербургской консерватории, например, даже накануне её 150-летия, когда любят подводить итоги, не доносится никаких сигналов, дающих понять, что она помнит своего студента, победителя Елизаветы — и это в контексте вечного питерско-московского соревнования.

Надгробие на кладбище Уссле в Бельгии, представляющее собой мраморный обелиск в виде пирамиды. На вершине её — бронзовая скрипка, в подножии — бронзовое же изображение Дворца изящных искусств, взятого Хиршхорном в далёком 1967.

Но перед глазами не перестаёт стоять мучимое непонятной болью лицо мальчика, только что вышедшего со сцены. Тайну этой боли он унёс с собой в могилу. Что это было? Прощание с совершенством? Сожаление о его невозможности?

...Среди людей, занимающихся ковроткачеством, живёт старинное поверье: в готовом ковре обязательно должна быть мелкая ошибка в узоре. Иначе ткач, посягнувший на совершенство, навлечёт на себя «дурной глаз», примету ревности высших сил. Считается, что это поверье — отголосок античного мифа об Афине и Арахне. Прекрасная девушка Арахна бросила вызов богине и соткала безупречный образец ткани. Афина, разгневанная самой мыслью о состязании со смертной, в наказание за дерзость превратила Арахну в паука, обречённо-го вечно плести свою паутину.

К счастью или к несчастью, безупречность в скрипичной игре практически недостижима. И с этой мыслью, помня о Филиппе Хиршхорне, встанем и помолчим.